

Бакирова Лена Рифхатовна

канд. филол. наук, доцент, старший преподаватель
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»
г. Уфа, Республика Башкортостан

АНЕКДОТ КАК ЖАНР МАЛОЙ ПРОЗЫ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: автор обращается к различного рода анекдотам как текстам малой прозы, вошедшим в «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского разных лет. В статье рассматриваются всевозможные значения понятия «анекдот», прослеживается авторское использование анекдота как прозаического жанра.

Ключевые слова: анекдот, жанр, малая проза, «Дневник писателя» Ф. Достоевского, авторское словоупотребление.

Анекдот – один из самых многочисленных и излюбленных жанров малой прозы «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. В издании насчитывается более двадцати анекдотов различной тематики. Особый научный интерес представляет употребление этого жанра Достоевским.

В современном русском языке слово анекдот используется в двух значениях: 1) очень маленький рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом; 2) смешное происшествие (разг.) [4, с. 25].

В литературном энциклопедическом словаре можно найти следующее определение анекдота: «Анекдот (от греч. anekdotos – неизданный), 1) короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии, преимущественно из жизни исторического лица... Позднее анекдотом стали называть малые повествовательные литературные жанры шуточного характера, нередко с острым политическим содержанием... 2) краткий устный рассказ злободневного бытового или общественно-политического содержания с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой...» [3, с. 28].

У писателя же анекдот – это и услышанная, прочитанная или рассказанная история, интересный или смешной рассказ, случай, происшествие, которое произошло с ним самим или рассказанный ему кем-то.

Отсюда можно заключить, что понятие «анекдот» используется писателем в двух значениях. В первом как рассказ, история, случай: «Рассказ – 1) малая форма эпической прозы, повествовательное произведение небольшого размера; 2) словесное изложение каких-нибудь событий» [4, с. 663].

Анекдоты, относящиеся к этому типу можно классифицировать следующим образом. Во-первых, это анекдоты, истории, случаи, рассказанные Достоевскому кем-то, например: «...вы, господа романисты, все ищете героев, – сказал мне на днях один видавший виды человек, – и, не находя у нас героев, сердитесь и брюзжите на всю Россию, а вот я вам расскажу один анекдот: жил-был один чиновник, давно уже, в царствование покойного Государя, сперва служил в Петербурге, а потом, кажется, в Киеве, там и умер, – вот, по-видимому, и вся его биография. А между тем, что бы вы думали: этот скромный и молчаливый человечек до того страдал душой всю жизнь свою о крепостном состоянии людей, о том, что у нас человек, образ и подобие Божие, так рабски зависит от такого же, как сам, человека, что стал копить из скромнейшего своего жалованья, отказывая себе, жене и детям почти в необходимом, и по мере накопления выкупал на волю какого-нибудь крепостного у помещика, – в десять лет по одному, разумеется. Во всю жизнь свою он выкупил таким образом трех-четырех человек и, когда помер, семье ничего не оставил. Все это произошло бревестно, тихо, глухо. Конечно, какой это герой: это «идеалист сороковых годов» и только, даже, может быть, смешной, неумелый, ибо думал, что одним мельчайшим частным случаем может побороть всю беду; но все-таки можно бы, кажется, нашим Потугиным быть подобнее к России и не бросать в нее за все про все грязью» [2, с. 166]. Сюда же можно отнести и «Анекдот из детской жизни» [2, с. 490], который был рассказал Достоевскому и, как он сам пишет: «Анекдот этот – правда... Когда мне рассказали его, я подумал, что очень нeliшнее напечатать его в «Дневнике». Мне позволили, конечно, с полным incognito» [2, с. 492].

Во-вторых, анекдоты (истории, случаи), рассказанные Достоевским кому-то, например: «Я вам расскажу маленький анекдот, г-н защитник. Сидит за столом отец, добывающий деньги тяжелым трудом. Он сочинитель, так же как и я, он пишет. Вот он положил перо, и к нему подходит его девочка, дочка, шести лет от роду, и начинает говорить ему, чтоб он ей купил новую куклу, а потом коляску, настоящую коляску с лошадьми; она сядет с куколкой и с няней в коляску и поедет к Даше, няниной внучке. «Потом ты вот что купи мне еще, папа...» и т. д. и т. д. – счету не было покупкам. Все она только что навыдумала и нафантизировала у себя в уголке, играя с куклой. Фантазия у этих шестилетних малюток беспримерная, и это превосходно, в этом их развитие. Отец слушал с улыбкой:

– Ах, Соня, Соня, – сказал он вдруг полушутиливо, полугрустно, – накупил бы тебе всего, да негде денег взять; не знаешь ты, как трудно они достаются!

– А ты вот что, папа, сделай, – подхватила Соня с весьма серьезным и конфиденциальным видом, – ты возьми горшочек и возьми лопаточку и пойди в лес, и там покопай под кустиком, вот и накопаешь денег; положи их в горшочек и принеси домой» [2, с. 212].

В-третьих, анекдоты (интересные случаи, события, факты), прочитанные Достоевским в газетах, журналах, например: «...расскажу еще анекдот. Когдано, еще до новых судов (впрочем, незадолго до них), прочитал я в наших газетах вот какой один факт: мать таскала на руках ребенка годового или четырнадцати месяцев. В этот возраст ждут зубки; дети нездоровы, плачут и очень мучаются. Надоел ребенок матери, может, и дела у ней было много, а тут таскай его на руках и слушай его раздирающий плач. Озлилась она. А впрочем, неужто бить за это такого маленького ребеночка? Ведь так жалко прибить его, и что он смыслит? Ведь он так беспомощен, зависит от последней пылинки... Ведь и не уймешь, коли прибьешь: он зальется своими слезками и вас же обхватит ручками, а то вас же начнет целовать, и плачет, и плачет. Но она не прибила его, а там в комнате кипел самовар. Она поднесла ручку ребенка под самый кран и отвернула кран. Она выдержала ручку под кипятком секунд десять» [2, с. 24], или еще: «С

тяжелым чувством прочел я в «Новом Времени» перепечатанный этою газетою из журнала «Дело» анекдот, позорный для памяти моего брата Михаила Михайловича, основателя и издателя журналов «Время» и «Эпоха» и умершего двенадцать лет тому назад. Привожу этот анекдот буквально: «В 1862 году, когда Щапов не захотел более уже иметь дело с тогдашними «Отеч. Зап.», а другие журналы были временно прекращены, он отдал своих «Бегунов» во «Время». Осенью он сильно нуждался, но покойный редактор «Времени», Михаил Достоевский, очень долго затягивал уплату следующих ему денег. Настали холода, а у Щапова не было даже теплого платья. Наконец он вышел из себя, попросил к себе Достоевского, и при сем произошла у них следующая сцена. – Подождите-с, Афанасий Прокопьевич, – через неделю я привезу вам все деньги, – говорил Достоевский. – «Да поймите же вы, наконец, что мне деньги сейчас нужны!» – «На что же сейчас то?» – «Теплого пальто вон у меня нет, платья нет». – «А знаете ли, что у меня знакомый портной есть; у него все это в кредит можно купить, я после заплачу ему из ваших денег». – И Достоевский повез Щапова к портному еврею, который снабдил историка каким-то пальто, сюртуком, жилетом и штанами весьма сомнительного свойства и поставленными в счет очень дорого, на что потом жаловался даже непрактический Щапов» [2, с. 276].

«Еще недавно я читал один анекдот (случай), которому бы не поверил, если бы не знал, что он совершенная правда, про одну петербургскую даму, из верхне-классного круга, которая всенародно согнала в одном концерте одну десятимиллионную купчиху с кресел и заняла ее место, да еще выбранила ее публично, – и это всего каких-нибудь тридцать лет назад!» [2, с. 433].

В-четвертых, анекдоты (случаи, реальные события) когда-то действительно произошедшие с писателем и рассказанные читателям: «Лет семь тому назад случилось мне провести все лето, вплоть до сентября, во Флоренции. По мнению итальянцев, Флоренция – летом самый жаркий, а зимою самый холодный город во всей Италии. Лето в Неаполе они считают несравненно более сносным, чем во Флоренции. И вот раз, в июле месяце, в моей квартире, которую я нанимал от хозяев, случился переполох, – ко мне вдруг ворвались, с криками, две служанки,

с хозяйкой во главе: видели, как сейчас только в мою комнату вбежала из коридора *piccola bestia* (пакостная тварь (итал.)), и ее надо было сыскать и истребить во что бы то ни стало. *Piccola bestia* – это тарантул. И вот пустились искать под стульями, под столами, по всем углам, в мебели, начали выметать из-под шкафов, принялись топтать ногами, чтобы испугать его и тем выманить; наконец, бросились в спальню, начали искать под кроватью, в кровати, в белье и...не нашли. Его сыскали лишь на следующий день поутру, когда выметали комнату, и, уж конечно, сейчас же казнили, но зато перед этим ночь мне все-таки пришлось провести в моей постели с чрезвычайно неприятным сознанием, что в комнате, вместе со мной, ночует и *piccola bestia*. Укушение тарантула, говорят, редко бывает смертельно, хотя я и знал уже один случай, в мое время в Семипалатинске, ровно пятнадцать лет до Флоренции, когда от укушения тарантула умер один линейский казак, несмотря на лечение. Большею же частию отделяются горячкой или просто лихорадочными припадками, а в Италии, где столько лекарей, может быть, и еще легче обходится дело; не знаю, я не медик, а все-таки ночевать было жутко. Сначала я отгонял мысль, даже смеялся, припомнил и прочел наизусть, засыпая, нравоучительную басню Кузьмы Пруткова «Кондуктор и Тарантул» (верх совершенства в своем роде), потом заснул. Но сны были решительно нехорошие. Тарантул не снился вовсе, но снилось что-то другое, пренеприятное, тяжелое, кошмарное, с частыми пробуждениями, и только поутру, когда встало солнце, я заснул лучше. Этот маленький старый анекдот знаете почему мне теперь припомнился? По поводу Восточного вопроса!..» [2, с. 384], и еще: «... некоторые эпизоды моего литературного поприща мне поневоле представляются с чрезвычайной отчетливостью, несмотря на слабую память. Вот, например, один анекдот. Раз весной поутру я зашел к покойному Егору Петровичу Ковалевскому...» [2, с. 25].

Анекдот как жанр малой прозы также используется Ф.М. Достоевским для обозначения комического или забавного случая, смешной истории. Это словоупотребление подходит под определение собственно анекдота: «Анекдот – ко-

роткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае; байка, баутка» [1, с. 17]. Таких анекдотов значительно меньше. Например, анекдот, прочитанный Достоевским: «Кстати, вспомнился мне теперь один премилый анекдот (смешной рассказ), который я прочел недавно, где и у кого не запомню, о маршале Себастьяни и об одном англичанине, еще в начале столетия, при Наполеоне I. Маршал Себастьяни, важное тогда лицо, желая обласкать одного англичанина, которые все были тогда в загоне, потому что беспрерывно и упорно воевали с Наполеоном, сказал ему с любезным видом, после многих похвал его нации:

- Если б я не был французом, то желал бы стать англичанином.
- Англичанин выслушал, но, нимало не тронутый любезностью, тотчас ответил:
 - А если б я не был англичанином, то я все-таки пожелал бы стать англичанином» [2, с. 237], или еще: «Дошло до анекдотов, то вот и еще анекдот. Отметил я его в «Петербургской Газете», а та взяла из письма господина В. Крестовского, написанного с театра военных действий, но куда – не знаю. Откудова заимствовано «Петербургской Газетой», тоже не ведаю. Говорится так: «В письме г-на Крестовского приводится один комический факт: «Около свиты появился какой-то англичанин в пробковом шлеме и статском пальто горохового цвета. Говорят, что он член парламента, пользующийсяvakационным временем для составления корреспонденции «с места военных действий» в одну из больших лондонских газет («Times»); другие же уверяют, что он просто любитель, а третьи, что он друг России. Пускай все это так, но нельзя не заметить, что этот «друг России» ведет себя несколько эксцентрично: сидит, например, в присутствии Великого Князя в то время, когда стоят все, не исключая даже и Его Высочества; за обедом встает, когда ему вздумается, из-за стола, где сидит Великий Князь, и в этот день обратился даже к одному знакомому офицеру с предложением затянуть на него в рукава гороховое пальто. Офицер окинул его с ног до головы несколько удивленным взглядом, улыбнулся слегка, пожал плечами и беспрекословно помог

одеть пальто. Конечно, более ничего и не оставалось сделать. Англичанин в ответ слегка приложился рукою к своему пробковому шлему» [2; с. 297].

– Есть также анекдот, смешная история, рассказанная Достоевскому Герценом: «...Раз, когда я был в Петербурге, затащил меня к себе Белинский и усадил слушать свою статью, которую горячо писал: «Разговор между господином А. и господином Б.» (Вошла в собрание его сочинений). В этой статье господин А., то есть, разумеется, сам Белинский, выставлен очень умным, а господин Б., его оппонент, поплоше. Когда он кончил, то с лихорадочным ожиданием спросил меня:

– Ну что, как ты думаешь?

– Да хорошо-то, хорошо, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе было с таким дураком свое время терять.

– Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь, что есть мочи:

– Зарезал, зарезал!» [2, с. 10].

Что касается тематики, то можно выделить анекдоты о детях, их большинство; анекдоты-случаи, действительно произошедшие с писателем и анекдоты о знакомых Достоевскому людях, общественных деятелях, писателях, исторических лицах.

Итак, можно сделать вывод о том, что уникальность жанра «Дневника писателя» проявляется и в его малой прозе, в частности анекдотах, включенных в это издание. В них перед нами активный участник описываемых событий, просто наблюдатель и слушатель, комментатор, нейтральный повествователь, публицист и романист в одном лице. Уникальность Достоевского состоит в том, что монологизм его «Дневника писателя» основывается на полифоничности материала, содержащегося в нем, что особенно ярко прослеживается на примере такого жанра, как анекдот.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. А-З. – М.: Русский язык, 1978. – С. 17.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. – Т. 1. 1873, 1876. – М.: Ай-рис-пресс, 2006. – 512 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997.